

УДК 811.133.1' 42

Светлана Ефимовна Кремзикова

доктор филологических наук, доцент
заведующий кафедрой романской филологии
Донецкий национальный университет, Донецк
svetlana-kremzikova@rambler.ru

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫХ СИТУАЦИЙ В ДИСКУРСЕ КОНФРОНТАЦИИ (ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье представлено концепцию деятельностной ситуации как универсальной категории дискурса, которая с одной стороны, находит свое воплощение в высказывании с помощью таких традиционных понятий как лексическое, словообразовательное, грамматическое значение, а с другой стороны, соседствует с такими когнитивными структурами как фрейм, сценарий, отражая концептуальные связи с действительностью. В рамках данной проблемы в работе анализируются лингвокреативные процессы в языке и их роль в организации дискурса конфронтации в диахроническом аспекте как синтеза разных типов деятельности: речевой, когнитивной, коммуникативной, социальной.

Ключевые слова: деятельностная ситуация; лингвокогнитивная модель; конфронтация; дискурс; участник ситуации; языковая картина мира

Svetlana Y. Kremzykova

Doctor of Philology, Associate Professor
and Chair of the Romance Languages Department,
Donetsk National University, Donetsk

LINGUO-COGNITIVE BASES FOR MODELING ACTIVITY SITUATIONS IN CONFRONTATION DISCOURSE (DIACHRONIC ASPECT)

The article presents the concept of the activity situation as a universal category of discourse, which, on the one hand, is embodied within the framework of the statement with the help of such traditional concepts as lexical, derivational, grammatical meaning, and on the other hand, is adjacent to such cognitive structures as frame, scenario, reflecting conceptual connections with reality. Within the framework of this problem, the paper analyzes linguo-creative processes in the language and their role in organizing the discourse of confrontation in the diachronic aspect as a synthesis of different types of activity: speech, cognitive, communicative, social.

Key words: activity situation; linguo-cognitive model; discourse; participant of the situation; language picture of the world

Понятие «ситуации» как единицы описания языковой картины действительности по-разному толкуется в работах по философии языка, логике, лингвистике. Прежде всего, понятие «языковой ситуации» определяется как совокупность форм существования языка в определенном государстве или

регионе с учетом их функциональной специфики [1, с. 481]. «Речевая ситуация» реализуется в языковой ситуации, в конкретных условиях коммуникации, характеризует определенные обстоятельства речи. «Коммуникативная ситуация» определяет готовность коммуникантов использовать конкретные подъязыки и их стилистические средства в речевой деятельности. Она определяет речевое поведение, способы реализации коммуникативной интенции (стратегию, тактику коммуникации) [2, с. 337]. Разграничивают понятия «текстовой ситуации» и «речевой ситуации». «Текстовая ситуация» отличается характером парадигматических средств, к которым относятся не только языковые нормативные явления, но и контекстуальные парадигмы, которые отражают многоаспектную картину мира [3, с. 12]. Считается, что языковая картина мира беднее концептуальной, поскольку в языке фиксируется не вся совокупность знаний о мире, а лишь та информация, которая отмечена этнокультурной спецификой [4, с. 60]. Указывая на связь языковой и концептуальной картин мира, ученые обращают внимание на то, что концептуальная картина мира более подвижна, она быстрее меняется под влиянием внеязыковых факторов социально-исторического и когнитивного характера [5, с. 9]. Т. А. ван Дейк рассматривает ситуации как схемы, модели, отражающие знания, убеждения, взгляды, опыт носителей языка, которые находятся в основе порождения и понимания текста. Модели ситуаций носят структурный характер и являются многоуровневыми категориальными. Он определяет такие категориальные элементы ситуации, как условия, обстоятельства, Участники, События, Действия [6, с. 185]. В большинстве определений ситуации выделяются ее основные структурные компоненты: 1) участники ситуации; 2) событие, действие, процесс, факт; 3) время; 4) пространство и место; 5) оценка.

Дискурс, определяемый как закрепленное в языковом пространстве повторяющееся функционально-смысловое единство коммуникативных ситуаций и речевых актов, представляет свой собственный языковой уровень и соответствующие структуры и формы характеризуется временным измерением, а также общими принципами и условиями формирования [7; 8, с. 39]. Характеризуя дискурс как явление континуального порядка, которое допускает членение на «условные дискретные единицы», В. И. Карасик считает, что для его анализа применимы понятия «дискурсивный акт» и «дискурсивная сцена» [9, с. 288]. В настоящем исследовании, в роли универсальной и комплексной единицы дискурса, рассматривается деятельностьная ситуация, которая формируется на пересечении субстанциональных и процессуальных характеристик. Деятельностная ситуация как комплексная дискурсивная единица объединяет, по нашему мнению, аспекты языковой ситуации (используются единицы системы языка соответствующего исторического периода), коммуникативной ситуации (элементы конкретных подъязыков и их стилистических средств), текстовой ситуации (контекстуальные парадигмы различной структуры), категориальной ситуации (актуализация грамматических

категорий: времени, аспекта, рода действия и т. д.), когнитивной ситуации (стереотипы, которые отражают знания, убеждения, взгляды, опыт носителей языка; оценки определенных явлений, действий, событий) [10; 11]. Смысловой основой этой единицы является такой атрибут субстанционального участника, как одушевленность. Деятельностные ситуации совершаются в определенной социально-культурной сфере, вербализуются в соответствующем дискурсе путем актуализации ключевых концептов. Различным дискурсам соответствуют определенные ситуации, в которых эти дискурсы реализуются. Считается, что дискурсы содержат культурные коды эпохи, все то, что необходимо для ее понимания и оценки.

Анализ деятельностной сферы дискурса как многомерной ситуации, предполагает языковую интерпретацию любого состояния дел, включая объективные отношения, имеющие место в реальном мире: реальные действия характеризуются временными и пространственными координатами, а в языковом толковании (в отличие от события и факта) качественными признаками. Ядерным репрезентантом деятельностной ситуации в дискурсе выступает ключевое слово, семантика которого выражает основной концепт. Концепты как обобщение структурированного знания формируются предметной деятельностью людей и отражают ключевые понятия национальной концептосферы. Понятийное ядро концепта потенциально содержит все смысловые связи с единицами лексико-семантического комплекса, которые его вербализуют и определяют его дискурсивный смысл, являясь, по мнению С. Г. Воркачева, «своего рода коллективным интенционалом» [4, с. 54]. Такими, для эпического и исторического дискурсов Европы Средневековья, в частности, Франции XI–XIII вв, являются оппозитивные концепты «*crestien / crestiente*» ‘христианин/ христианство’ и «*raïen / raïenie*» ‘язычник /язычество’. Деятельностная ситуация конфронтации цивилизаций представляет собой смысловое развертывание опорного концепта, реализуя правило замен, включающих синонимический ряд: война, столкновение, противостояние, противопоставление, противоборство, вооруженный конфликт, конфликт, стычка.

Для христианина мировосприятие сводится к обобщенной картине, в центре которой находится деятельный Бог со всеми его атрибутами: гневом, наказанием за грехи, помощью, прощением. Выполнение одинаковых обрядов, общий жизненный уклад, который определяется религиозными установками, способствует солидаризации членов общества независимо от их социального положения, отделяет их от других социумов, и нередко являются основой противостояния, противоборства, столкновения. Социальные факты как элементы социальных институтов, таких как религия, вербализуются единицами языковой системы. Сравнивая социальный факт и языковой знак, ученые отмечают их произвольность, конвенциональность, производность от коллективной воли, а также их назначение управлять поведением других. Основная задача верующего человека выразить чаяния, мольбы, надежды, а в ситуации конфронтации найти поддержку Всевышнего [12].

Так, в ситуации батального действия против иноверцев французские рыцари обращаются к Богу-творцу за помощью и поддержкой. Модель этой деятельностной ситуации в эпическом и историческом дискурсах основывается на системе концептов, определяющих коммуникативное поведение людей в общении с Богом, а ее вербальная реализация представлена компонентами словообразовательного ряда от глагола **aidier / aiiier** 'помогать': V- N Ac-age, -ement, -ance;- N Ag-eor; Adj.-able, -if

VAidier -N Ac aidage, -ement n. m., -ance n. f. (XIII s.) «aide»

«La mère Jhesu nous **soit en aidance**.» [20, de Meung.]

N Ag aideor, ère n. m., ervesse n. f. (XIIes.) «celui, qui aide»

«Croient en Deu qui est lor **aiutor**.» [14]

Adj.-aidif adj. (XIIe s.) «qui peut aider»

«: Si me soit Diex **aidis**.» [20, Huon Bord]

Adj -aidable.adj. (XIIe-XVIe s.) «secourable»

«Poissant et bien **aidable**.» [20, Wace]

Такое общение выявляет духовную сущность человека, как «ответ на зов, который мы ощущаем на уровне интуиции» [13, с. 25]. Обращение к Богу с просьбой предполагаемого желаемого действия: поддержки, придания сил, озарения передается формами сослагательного наклонения. Например, соответствующими формами глагола *donner* 'дать' - *donet*; корреляцией форм однокоренных глаголов *tenir* 'держат' - *tiegne*, *maintenir* 'поддерживать' - *maintiegne*.

“**Dex le maintiegne**, li pere creator” [14, 5000]. “*Franc crestien, Dex vos tigne en vertu*” [14, 835]. «*De tel barnage l'ad Deus enluminet, Meilz voelt murir que guerpier sun barnet*» [15, 535–536]. “*Que Deus te dont prouece et hardemant, force et vertuz et vaiselage grant*” [14, 7486–7487]. Эта ситуация вербализуется в дискурсе путем актуализации словообразовательных и лексико-семантических связей концептуального поля «христианство» в сферах: помогать, поддерживать, давать силу, озарять.

Поскольку аксиологическая категория направлена на интерпретацию определенной исторической эпохи, она принимает различные формы выражения и проверяется сравнением с эталоном, который лежит в основе так называемой модели мира. В эпическом дискурсе таким образом является **la foi crestienne** 'христианская вера'. Рыцари-христиане, носители закона Божьего, выполняют Его волю – поддерживают и славят христианство: “*Que Dex del ciel nos a fait envoyer Crestienté tenir et essaucier* [14, 9395–9396]; «*Li bon crestien meismes sentresarmonioient et efforcoient a tenir plus fermement la foi crestienne tant com plus cil leur en faisoient de maus*.» [16, с. 14]. Борьба добра, блага, праведности, благочестия (закона Божьего) и зла, несправедности (отторжение божественной идеи), стыкуется с антитезой концептов «благо / зло», «истина / ложь, закон / беззаконие». Как отмечает Н. Б. Мечковская, в отличие от язычества, в котором «преобладал страх и вынужденное почтение к высшим силам», любовь к Богу в теистических религиях «придает вере человека глубоко личное звучание» [17, с.14]. На дискурсивном уровне в репрезентации религиозных ритуалов функционируют формально и семантически антонимичные единицы двунаправленного процесса по оппозиции

лингвоконцептов *crestien-crestiente* / *païen-païenie*, такие как *beneïr* 'благославлять', который актуализирует модальность поддержки и поощрения, и *maleïr* 'проклинать' - модальность угрозы:

"Li traitor, que Deus puist maleïr! ... Mais uns frans abes, que Deus peüst beneïr" [18, 1436, 1439].

Ситуация благословения истинных христиан, рыцарей, идущих на бой за веру, включает агента действия неземного происхождения (Бога) и агента действия - священника, который берет на себя социальную ответственность выступать от имени Бога. Развитие ситуации происходит не только посредством парадигматических проекций глагола *beneïr* 'благословлять' в разных его формах: *beneïsse*, *beneïssent*, *beneïst*, *beneit*, но и путем его перекатегоризации, в частности, номинализации. Мотивированное глаголом существительное *beneïçon* 'благословение' функционирует, актуализируя значение опредмеченного действия, и в конструкции с каузативными глаголами *faire* 'делать', *otroier* 'предоставить' реализует соответствующие модусы возможности психического воздействия.

Признавая существование категории каузативной переходности, Ю. С. Степанов отмечает, что объект действия претерпевает реальные изменения, приводящие к его образованию или уничтожению [19, с. 307]. К этому можно добавить изменения, в результате которых происходят духовные трансформации. Конструкции с каузативными глаголами имеют разное семантическое наполнение (с глаголом *otroier* – пермиссивное, с глаголом *voloir* – волитивное) и отражают наставление Бога; конструкции с глаголом *faire* реализуют фатическую функцию (установление контакта, донесение информации), то есть выполнение действия наместником Бога на земле – священником.

"Par granz batailles e par mult bels sermons, Cuntre païens fut tuz tens campiuns Deus li otreit (la sue) seinte beneïçon! AOI" [15, 2243–2245]. *"Namles le fiert par tel devision, Si con Dex volt par sa beneïçon"* [14, I, 1999].

"Li arcevesque ne poet muer n'en plurt, Lievet sa main, fait sa beneïçon," [15, 2193–2194].

Двунаправленностью характеризуются оценки лиц, действующих в ситуациях конфронтации, через вербальную оппозицию- *avoir dreit* / *avoir tort*, когда христиане правы, а язычники нет. *"Païen unt tort e chrestiens unt dreit; Malvaise essample n'en serat, ja de mei"* [15, 1015–1016].

Рассказчик, верный идеалам христианства, старается представить под разными углами зрения тех или иных лиц, в том числе неверных. Со стороны французских рыцарей оценка неверных, как носителей других духовных ценностей, является отрицательной; но оценка их воинских качеств может быть как положительной, так и отрицательной, учитывая личность. Сравним оценки одного и того же лица: со стороны христиан как противника, заклятого врага, который не верит в Бога: *«Devant chevalchet un Sarrasin, Abisme: Plus fel de lui n'out en sa cumpagnie»* [15, 1470–1471]; *"Ne creit en Deu, le filz sainte Marie; Issi est neirs cume peiz ki est demise; Plus aimet il traïsun e murdrîe"* [15, 1473–1475]; и как храброго воина, одного из вассалов Марсилия, за что тот его уважает: *«Vasselage ad e mult grant estultie: Por ço est drud al felun rei Marsilie;»* [15, 1478–1479].

Участвуя в реализации деятельностной ситуации конфронтации в эпическом и историческом дискурсе старофранцузского периода, существительное *païen*, а также мотивированные им производные *païenie* 'язычество', *païenor* 'языческий', коррелируют с рядом слов, семантическая структура которых включает, помимо архисемы 'язычник', пейоративные и негативные семы «безбожник», «иноверец», «чужой», «дикий», «жестокий», «преступный», «ненавистный», «неверный», «предатель, предательский», «неприятель, враг, вражеский»: *la jent païenie*, *païene jent*, *la jent païenor*, "*la gent criminal*", "*la jent grifagne*", "*gent cruel*", "*la jent haïe*", "*la jent Apollin*", "*la gens salvage*", "*gent mescreant*", "*la contredite gent*", "*la pute gent averse*", "*païens desloial*"; "*païen et aversier*", "*li cuvert solduiant*" [14; 15].

"*L'amustens, li fel, li combatant*", «*Reis Corsalis, Barbarins est e mult de males arz*», «*Ahi! culvert, malvais hom de put aire*», «*la gent orgueilleuse et sauvage*» [14; 15].

Французские рыцари *Franc hom*, *Franc chevalier* характеризуются, прежде всего, как христиане *Franc crestien*, *L'ost crestiene* и коррелируют с прилагательными положительной оценки: *bon* 'добрый'; *jentil* 'благородный'; *nobles* 'знатный'; *proz* 'отважный'; *fier* 'гордый'; *riche* 'богатый', например; "*bon combateor*", "*jentil pogneor*", "*li gentil escuier*", "*le bon tornoieor*". «*Karlemagne l'empereor roial*», «*li proz quens Acelin*», «*E Oliver, li proz e li gentilz*»; «*li proz quens Gerers*», "*Rossillon li fiers*" [14; 15].

Как показывает анализ, противники христиан и христианства, язычники, участники ситуаций конфронтации в эпическом и историческом дискурсах, актуализируют потенциальную сему *desloial* 'незаконный' "такой, который не выполняет закона божьего", находится в оппозиции к "закону христианскому". Признаками врагов христиан, является то, что они исповедуют «закон неверных» *la loi païenor* 'паганский закон', не любят Бога и молятся другим идолам, как языческим, так и теическим, например: "*Floriades, le rice pogneor, Molt par fu sages de la loi païenor Et chevalier nen I ot nul mellor*" [14, II, 6607–66090]; «*Li reis Marsilie la tient, ki Deu nen aimet; Mahumet sert e Apollin reclimet*:» [15, 7–8].

По отношению к рыцарям-христианам, признающим закон божий "*la crestiene loi*" и защищающим его, адепты другой веры квалифицируются как те, у которых закон отсутствует, что и определяется префиксальным прилагательным с противоположным отрицательным значением *desloial* 'незаконный' или субстантивированным причастием с отрицательным префиксом *miscreant* 'неверный', 'неверующий'. «*Li Mescreant se combatoient pour essaucier leur loi et por croistre leur pooir sur leur anemis; li Crestien defendoient la foi Jhesucrist et vouloient garantir leur vies et leur franchises*» [G. de Tyr, 21]. Проведенный анализ реализации концептов в эпическом дискурсе и дискурсе исторических хроник показал, что в структуру концепта «христианин» входит оценочный компонент «истинный, правдивый», тогда как для оппозитивного концепта «язычник» - характерен компонент «неистинный, ошибочный». Они актуализируются в ситуациях конфронтации в старофранцузском эпическом дискурсе и в дискурсе исторических хроник в корреляции

с концептом "закон" (закон божий, христианский / закон языческий). Категориальная оппозиция «истинность / неистинность» эволюционирует во французской лингвокультуре как «свой» / «чужой» и находит свое специфическое воплощение в различных типах дискурса. Обращение к дискурс-анализу позволяет понять устройство и организацию вербализованной ситуации как динамической структуры, которая включает все операции со словом. Это возможно лишь при должном внимании к лексическим, морфологическим, словообразовательным единицам, которые являются своеобразным продолжением синтаксических правил, ориентированных на цепочки слов, слова, их части. В процессе вербализации ситуации слово может выступать в сформированном виде, или порождается, согласно семантическим свойствам синтаксической конструкции, формируется и согласовывается с ней в формальном отношении.

Деятельностная ситуация представляет, таким образом, узел отношений, организует языковые единицы в синтагматическом и парадигматическом планах, делает возможным существование широкой концептуальной (глубинной) сети взаимоотношений, которая на поверхностном уровне дискурса отражает эти отношения в виде семантически и формально связанных слов. Время существования ситуации определенного действия сводится к одному раунду наблюдения, деятельность же определяется совокупностью разнородных и разноплановых действий, направленных к одной цели; существование деятельностной ситуации во времени подтверждается ее разворачиванием как ряда эпизодов. Исследование эпического и исторического дискурсов с помощью анализа деятельностных ситуаций позволяет выявить определенную коммуникативную стратегию, которая состоит из ряда целенаправленных действий, показать зависимость высказывания от ситуации, относящейся к определенному отрезку времени, когда речевое событие пространственно включается в целое, на что указывают вариативные средства вербализации и расширяет представление о феномене дискурсивной деятельности, которая отражает процесс творческого освоения мира нашим сознанием.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. ЛЭС : Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Совет. энцикл., 1990. 685 с.
2. Бацевич Ф. С. Основи комунікативної лінгвістики. Київ : Академія, 2004. 342 с.
3. Панина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. М. : УРСС, 2002. 367 с.
4. Воркачев С. Г. Семиотика лингвокультурного концепта и терминосистема лингвокультурной концептологии // Язык, коммуникация и социальная среда = Language, Communication and Social Environment. Воронеж, 2014. Вып. 12. С. 50–69.
5. Чередниченко О. І. Багатомовність і концептуальна картина світу // Вісник Іноземна філологія. Київ, 2002. Вип. 32. С. 7–10.
6. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. 310 с.
7. Bourbello V. Introduction à la discoursologie historique: l'ancien français. Kyiv : Univ. de Kyiv, 2005. 100 p.
8. Foucault M. L'archéologie du savoir. Paris : Gallimard, 1969. 208 p.
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

10. Кремзикова С. Е. Деятельностная ситуация как единица описания языковой картины мира в дискурсе (на материале старофранцузского периода) // Мир человека в пространстве языка : сб. ст. СПб., 2017. Вып. 13. С. 291–300.
11. Кремзикова С. Е. Когнитивный аспект осмысления деятельностной ситуации в дискурсе (на материале разноструктурных языков) // Мир. Человек. Язык : сб. науч. тр. Владимир, 2019. С. 183–194.
12. Мечковская Н. Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура. М. : Academia, 2004. 428 с.
13. Маслова В. А. Лингвокультурное введение в теорию человека // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Лингвистика. 2019. № 3. С. 21–28.
14. La Chanson d'Aspremont. Chanson de geste du XII-e siècle. Texte du manuscrit de Wellaton Hall édité par Louis Brandin. T. 1-2. Paris : Champion, 1923. T. 1. 208 p. ; T. 2. 211 p.
15. La Chanson de Roland [Electronic resource] / éd. par G. Moignet. 2e éd. revue et corrigée. Paris : Bordas, 1971. Index lemmatisé (établi par P. Kunstmann). URL: <http://www.uottawa.ca/academic/arts/lfa>.
16. William of Tyre: William of Tyre, Archbishop of Tyre, ca. 1130-ca. 1190. Chronique, édition critique par R.B.C. Huygens ; identification des sources historiques et détermination des dates par H. E. Mayer et G. Rosch. Turnholt : Brepols, 1986. 410 p.
17. Мечковская Н. Б. Язык и религия : пособие для студентов гуманитар. вузов. М. : ФАИР, 1998. 352 с.
18. Le Couronnement de Louis, chanson de geste du XII -e siècle, (édition d'Yvan G. Lepage). Paris-Genève : Droz, 1978. 421 p.
19. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М. : Наука, 1981. 360 с.
20. GDAF Grand dictionnaire. Ancien français. La langue du Moyen Age de 1080 à 1350 / A. J. Greimas. Paris : Larousse, 2007. 630 p.